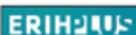
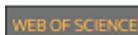

Корякина А. Ф. Сходства и отличия якутского олонхо и бурятского улигера : сюжетный состав и мотивы / А. Ф. Корякина // Научный диалог. — 2021. — № 1. — С. 135—151. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-135-151.

Koryakina, A. F. (2021). Similarities and Differences between the Yakut Olonkho and the Buryat Uliger: Plot Composition and Motives. *Nauchnyi dialog, 1*: 135-151. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-135-151. (In Russ.).

УДК398.2(=512.1)+82-13

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-1-135-151

СХОДСТВА И ОТЛИЧИЯ ЯКУТСКОГО ОЛОНХО И БУРЯТСКОГО УЛИГЕРА: СЮЖЕТНЫЙ СОСТАВ И МОТИВЫ

© Корякина Антонина Федоровна (2021), orcid.org/0000-0002-6965-0699, кандидат педагогических наук, старший научный сотрудник сектора «Олонховедение» Научно-исследовательского института Олонхо, федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова» (Якутск, Россия), aitalilen@mail.ru.

Статья посвящена выявлению типологических сходств и различий эпических сюжетов и мотивов в текстах якутского олонхо и бурятского улигера. Актуальность заявленной проблематики обусловлена целью получения дополнительных материалов в подтверждение результатов ранее проведенных изысканий по установлению генетических истоков и типологических связей эпического творчества якутского и бурятского народов. Выполнен краткий обзор трудов отечественных фольклористов, разработавших теорию сравнительного изучения эпосов народов мира; якутских эпосоведов, рассмотревших в своих трудах исторические и типологические связи якутского олонхо с эпосами саяно-алтайских, монголо-бурятских народов; бурятских ученых, обращающихся в своих исследованиях к процессам историко-культурных взаимовлияний эпического наследия якутов и монголо-бурят. Используются научные методы типологического, структурно-сравнительного и текстологического анализа. Установлена схожесть сюжетов и сюжетных мотивов олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Оросина и улигера «Абай Гэсэр Могучий» М. Имегенова, которая обусловлена принципами типологической повторяемости в фольклорном творчестве и культурно-историческими контактами якутского и бурятского народов на разных этапах развития прототюрко-монгольских народов, населявших территорию Центральной Азии и Южной Сибири.

Ключевые слова: якутское олонхо; бурятский улигер; сюжет; мотивы; типологические сходства; особенности.

1. Введение

Историко-сравнительное изучение якутского олонхо началось только в середине XX века. В трудах исследователей описана общая картина древнейших связей, в основном между носителями якутского эпоса и алтае-саянских тюркских этносов. Сегодня проблема сравнительного изучения эпосов нуждается в дальнейшей разработке, главным образом, с точки зре-

ния углубления исследований по установлению характерных для тюрко-монгольских народов общих типологических и исторических закономерностей. В связи с этим в статье проводится сравнительное исследование текстов якутского олонхо и бурятского улигера с целью выявления в них типологических сходств и особенностей эпических сюжетов и мотивов. Исследование осуществлялось посредством комплексного подхода, предполагающего использование методов типологического, структурно-сравнительного и текстологического анализа текстов олонхо и бурятского улигера. Результаты работы могут быть использованы в фольклористике для определения типологических связей и историко-культурных взаимовлияний эпосов якутов и бурят для осмысления общей проблемы происхождения и путей развития их эпического наследия.

Теоретико-методологической основой исследования являются положения, определяющие подходы к изучению фольклора, разработанные классиками отечественного эпосоведения, а именно: выводы В. Я. Проппа о повторяемости, об устойчивости структуры фольклорных творений, о методах изучения части фольклорного произведения в целях получения общих, типовых заключений; принципы изучения В. М. Жирмунским художественной структуры эпоса, которые привели его к доказательству типологических сходств между произведениями героического эпоса у разных народов; работы Е. М. Мелетинского о явлении типологической повторяемости в фольклоре; рекомендации Б. Н. Путилова по вопросам методологии сравнительно-исторического изучения фольклора; фундаментальные труды И. В. Пухова по сравнительному изучению героического эпоса саяно-алтайских и тюрко-монгольских народов.

По мнению И. В. Пухова, из племен, составлявших бурятский народ, на путях передвижения якутов жили эхирит-булагаты, с которыми у якутов могли быть наиболее близкие и длительные связи. О близости времени появления эпосов этих народов он пишет: «И якутские олонхо, и “Гэсэр” по содержанию и времени происхождения относятся к периоду позднеродового строя» [Пухов, 2003, с. 76]. Поэтому из различных версий бурятского героического эпоса для сравнения с олонхо И. В. Пухов остановился на эхирит-булагатской версии эпоса «Гэсэр». Среди многочисленных произведений обоих народов героические эпосы о Нюргун Боотуре и Гэсэре, наиболее прочно утвердившись в репертуарах сказителей, стали уникальными образцами эпической традиции якутов и бурят. В связи с этим в качестве источниковой базы исследования нами выбраны образцовые тексты эпического наследия олонхосута К. Оросина о Нюргун Боотуре и улигершина М. Имегенова о Гэсэре.

2. Степень изученности проблемы

Специалисты, изучавшие происхождение якутского народа, часто отмечали монгольское напластование в его этнокультуре и языке. Осуществлялись разные интерпретации при объяснении феномена якутско-бурятских связей, получивших отражение в эпических произведениях обоих народов.

Генетические и типологические связи эпических традиций тюрко-монгольских народов выявлены известными учеными-фольклористами В. Я. Проппом [Пропп, 1998], Е. М. Мелетинским [Мелетинский, 1963, 1986], В. М. Жирмунским [Жирмунский, 1960, 1962], Б. Н. Путиловым [Путилов, 1972, 1976, 1994, 1997], В. М. Гацаком [Гацак, 1975], С. С. Суразаковым [Суразаков, 1985]. В якутской фольклористике над данной проблемой начали работу П. А. Ойунский [Ойунский, 1962], Г. У. Эргис [Эргис, 1974], И. В. Пухов [Пухов, 1975, 2003, 2004, 2004, 2013] и др. В бурятском эпосоведении проблема раскрыта в трудах Е. О. Хундаевой [Хундаева, 1999], А. Н. Дамбаевой [Дамбаева, 2012], Л. Ц. Санжиевой [Санжиева, 2011], Б. Б. Цыбеновой [Цыбенова, 2000] и др.

В. Я. Пропп на примере сказочного материала показал возможности применения типологических методов при анализе образцов народного устного творчества, доказал наличие принципов повторности и закономерности, характерных для фольклорного творчества, расширив таким образом возможности метода сравнительного изучения в фольклоре [Пропп, 1998].

В. М. Жирмунский через исследование древнейших элементов в эпосе тюрко-монголоязычных народов установил архаический характер большинства эпических памятников данных этносов Сибири. Сходство между произведениями героического эпоса у разных народов он обнаружил в их художественной структуре, охватывающей «жанровую структуру и ее эволюцию, особенности эпического стиля с его типическими формулами, повторениями, постоянными “украшающими” эпитетами или сравнениями» [Жирмунский, 1962, с. 5].

В. М. Гацак в исторической типологии начальным стадийным рядом называет героико-архаический эпос, «разновидности которого — якутские олонхо, бурятские улигеры, алтайские сказания, руны “Калевалы”, “Нарты”, “Амирани” и др. Они далеко не одинаковы, но их объединяет и отличает от последующих памятников связь с идеалами родового, догосударственного периода, тема борьбы с враждебными силами природы» [Гацак, 1975, с. 4].

На необходимость сравнительного изучения эпосов указал Б. Н. Путилов: «историческое изучение фольклора <...> невозможно без самого широкого и систематического сравнительного анализа, <...> без выявления

и изучения фактов повторяемости, в конечном счете — без установления общих закономерностей и общих особенностей» [Путилов, 1976, с. 3]. Исследователь определил обусловленность общих особенностей эпических произведений либо историко-генетическими связями «родства по происхождению», либо историко-типологическими причинами, возникшими в результате «сходных условий общественного развития», либо культурными контактами по «влиянию», «заимствованию» [Там же].

Е. М. Мелетинский объяснил явление возникновения сходности в фольклоре народов, проходивших самостоятельный путь развития, процессами типологической повторяемости. Исследователь, изучив древнейший тип героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири, выявил сходство некоторых мотивов и раскрыл их культурно-историческое единство [Мелетинский, 1994].

Таким образом, классиками фольклористики заложены теоретические основы сравнительного изучения эпического произведения. Ими поставлена задача необходимости проведения подобных исследований применительно к любому жанру устного народного творчества, доказаны эффективность, широкие возможности и большая перспектива такого подхода.

Проводя сравнительное исследование эпоса народов, «родственных по происхождению, но в незапамятные времена расселившихся по разным местам и начавших жизнь вдали друг от друга, в соседстве с другими народами», И. В. Пухов считал правомочным искать ответы на вопросы: «Были ли у них общий эпос, когда они жили на своей древней прародине? Что сохранилось от их общего древнего эпического творчества? В чем разошлись пути их творчества, что создали они нового и что восприняли от других народов?» [Пухов, 2004, с. 50]. Он выявил сходство идеи и тематики, сюжета и композиции, некоторую стилевую близость и образное сходство главных героев, героинь, врагов-чудищ. Схожесть в изображении врагов богатыря в виде чудищ в якутском и бурятском эпосах привели И. В. Пухова к выводу о том, что «бурятские улигеры и особенно якутские олонхо в изображении врага сохранили более древние черты, чем эпос алтайцев, хакасов и тувинцев», у которых в силу сложных исторических условий «образ враждебного и агрессивного хана стал более актуальным, чем древнейший образ чудища, и заслонил его» [Пухов, 1975, с. 97]. Выявленные сходства якутского олонхо и тюрко-монгольских эпосов ученый объясняет, во-первых, общностью происхождения и культуры создавших их народов, их территориальной близостью в период создания героического эпоса, во-вторых, сходством форм общественного развития: «Первое обстоятельство привело к генетической общности, а второе — к типологическому сход-

ству эпоса» [Пухов, 2004, с. 85]. Вместе с параллелями ученый обнаружил значительные различия, особенно в стиле (краткость вступительных описаний страны, жилища, усадьбы героя, богатыря в «Гэсэре» и т. д. по сравнению с их описаниями в олонхо). Труды И. В. Пухова послужили отправной точкой для многих научных изысканий по сравнительному изучению эпических памятников.

А. П. Окладников, констатируя, что «оформление олонхо протекало в условиях тесных историко-культурных связей и постоянного взаимодействия предков якутов как с их ближайшими родичами, предками нынешних саяно-алтайских племен, так и с древними монголами», утверждает, что образ чудесной страны «известен и в бурятских улигерах (эпических сказаниях)» [Окладников, 2013, с. 20].

Общие черты в якутском олонхо и бурятском эпосах отметил и Г. У. Эргис. По его утверждению, бурятские «улигеры» (или «онтохо») и монголо-ойратские «гули» наиболее близки к олонхо своей насыщенностью сказочными мифологическими элементами, композицией, а также отдельными эпическими мотивами и формулами [Эргис, 1974].

Итак, в научных работах якутских исследователей рассматриваются генетические и типологические связи якутского эпоса с эпическим наследием тюрко-монгольских и саяно-алтайских народов, данные изыскания нуждаются в дополнительных подтверждающих фактах для окончательных выводов.

В трудах первых исследователей бурятского сказительства А. И. Уланова, Г. Д. Санжеева, Н. О. Шаракшиновой, М. П. Хомонова, С. Ш. Чагдурова, М. И. Тулохонова, Д. С. Дугарова и др. изучены традиции и особенности, происхождение и развитие бурятского эпоса, вопросы религии и мифологии, получившие в нем отражение. Классификация улигеров с разделением на эхирит-булагатские, унгинские и хоринские впервые составлена А. И. Улановым [Уланов, 1975]. По его предположению, исторически известное племя хори сыграло большую роль в этногенезе бурят и в то же время, по-видимому, приняло известное участие в этногенезе якутов. По этому поводу И. В. Пухов отметил: «В случае подтверждения этой гипотезы курыканы оказались бы общим предком части бурят и якутов, что в свою очередь немаловажно для подтверждения общности истоков древнего творчества этих народов» [Пухов, 2003, с. 77].

В трудах исследователей нового поколения бурятского эпосоведения: Е. Н. Кузьминой, Б. С. Дугарова, Э. А. Уланова, Л. С. Дампиловой, Р. С. Дылыковой, С. А. Ошоровой, Б. Б. Цыбеновой и др. — представлен комплексный анализ эпической поэтики в отношении сюжетных мотивов, композиционной последовательности, языка и стиля, образной системы.

Бурятскими фольклористами проведены и сравнительные исследования бурятского улигера с эпосами других народов. Б. Я. Владимирцов одним из первых отметил генетическую общность бурятского, монгольского, ойратского и калмыцкого эпосов и в то же время их существенное различие в типологическом плане, выделяя архаичность, первобытность бурятских улигеров [Владимирцов, 1923, с. 77]. В свете нашей работы вызывает интерес сопоставительный анализ текста эпосов «Гэсэр» и «Джангар» Б. Б. Цыбеновой [Цыбенова, 1999]. Л. Ц. Санжеева, рассматривая общности и различия бурятской, монгольской и тибетской версий Гэсэриады, находит следы взаимодействия разных племен Прибайкалья в древнем ядре эпоса бурят, калмыков, монголов, алтайцев, хакасов, якутов, тувинцев [Санжеева, 2011]. А. Н. Дамбаева отмечает в эпосах центральной Азии и Южной Сибири распространенность аналогичных сюжетов, мотивов, образов, что объясняет законами типологических схождений, основанных на общности образа жизни, идеалов [Дамбаева, 2012, 5/5, с. 73—74].

Обзор научной литературы по разным проблемам бурятской Гэсэриады показывает, что в трудах фольклористов исследованы вопросы истории, культуры и эстетики, языка и поэтики, лексики и стилистики эпического наследия бурят. Отмечается, что поэтическая уникальность, своеобразие стиля бурятского эпоса создаются за счет особенностей композиции изображаемых эпических событий, образной системы сказания, структуры улигерного стиха и напева, а также исторически сложившихся исполнительских традиций. Однако в связи с недостаточностью специальных разработок по сравнительному изучению эпического наследия якутского и бурятского народов очевидна необходимость дальнейших специальных исследований.

3. Героические эпосы о богатырях Нюргун Боотуре и Гэсэре: история бытования, записи

Существующий в многочисленных вариантах якутский героический эпос о богатыре Нюргун Боотур восхищает грандиозностью содержания, колоссальной фантазией, глубиной философии, точностью отражения быта, традиций якутского народа, самобытностью изложения, богатством и красотой языка.

В 1895 году знаток старины и якутского фольклора К. Г. Оросин по поручению Э. К. Пекарского произвел самозапись вошедшего в его репертуар широко распространенного на территории нынешнего Таттинского улуса олонхо «Нюргун Боотур Стремительный». По преданиям, данное олонхо в старину исполнял легендарный олонхосут Кээмпэс. Сказание

впоследствии перенято Бабыат Макаровым. Постепенно «Нюргун Боотур Стремительный» стал популярным, в разных вариантах исполнялся многими известными таттинскими олонхосутами. Текст К. Г. Оросина привлекает исследователей тем, что он в своей записи смог сохранить особенности якутского памятника устного народного творчества с его богатством содержания, своеобразием стиля, красотой поэтического языка [ЭО]. Впервые олонхо К. Г. Оросина было опубликовано в первом выпуске первого тома «Образцов народной литературы якутов» Э. К. Пекарского в 1907 году в Санкт Петербурге. Затем в 1947 году Якутским книжным издательством олонхо было переиздано в редакции Г. У. Эргиса с его переводом на русский язык и комментариями. Олонхо переведено на французский и турецкий языки. В настоящее время опера-олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» ставится на сцене Государственного театра оперы и балета им. Суорун Омоллона.

Крупнейший бурятский героический эпос «Гэсэр» — уникальный памятник эпического творчества бурят. Он получил развитие в эхирит-булагатской эпической традиции и украшал репертуар лучших исполнителей улигера: М. Именгова, П. Петрова, П. Тушемилова, П. Дмитриева, А. Васильева, Б. Жатухаева, А. Тороева, П. Степанова и др. Ученые усматривают наиболее архаические элементы эпоса в версии «Гэсэра» от Маншута Именгова, который строго придерживался установившихся исполнительских традиций. В этой связи от него в 1906 году известный собиратель-фольклорист Ц. Ж. Жамцарано записал «Абай Гэсэр Могучий». Ц. Ж. Жамцарано записал «Абай Гэсэр хүбүүн» и опубликовал его на бурятском языке. В 1960 году А. И. Уланов опубликовал этот текст под названием «Абай Гэсэр» на бурятском и русском языках. В 1995 году это издание было переработано и переиздано на языке оригинала с переводом на русский язык А. Б. Соктоева, с комментарием Д. А. Бурчиной, со статьями М. И. Тулохонова и Д. С. Дугарова. Данный улигер получил название «Абай Гэсэр Могучий», вошёл в серию «Эпос народов Евразии», издаваемую Институтом мировой литературы РАН им. А. М. Горького.

4. Сюжетный состав якутского олонхо и бурятского улигера

В зачине «Нюргун Боотура Стремительного» красочным языком ведется описание прекрасной, благодатной земли богатыря: «Эта местность, как пуп земли, / прочно в полном расцвете утвердилась / и, как самое великолепное средоточие мира, / В полной и пышной красе установилась» [НБС.]. На эту прекрасную изначальную мать-землю по велению Юрюнг Аар тойона спущены дети старца Айынга Сизэр тойона, Айыы Нюрагал-

дынь матушки Нюргун Боотур и Айталы Куо. Их назначение заключается в том, «чтоб завести несметное богатство, / расстелить широкое изобилие, / чтоб установить неисчерпаемо-обильное тюсюлгэ» и «делать колыбели рождаемым детям, / строить изгороди для разводимого скота, / стать прародителями людей-якутов» [Там же]. Кроме того, «когда настанет день, когда <...> ненасытные обжоры южных племен, / отборные из леших чудовищ / станут обижать и притеснять / (людей) племени айбы, / (народ) улуса солнца», Нюргун Боотур «должен защитить и оградить их» [Там же].

Зачин бурятского эпоса «Абай Гэсэр Могучий» близок к зачину якутского олонхо: он начинается с описания скандала из-за того, что Сэгэ Сэбдэг-тэнгрий завладел срединным миром. Участниками этого противостояния являются западные небожители во главе с Хан Хормуста-тэнгрием и восточные во главе с Атай Улан-тэнгрием. Каждый из них видит себя достойным хозяином этой благодатной земли. На землю по велению тэнгриев с миссией предотвратить истребление людей чудовищами-мангадхаями послан будущий богатырь Гэсэр [АГМ].

Зачины показывают представление якутского и бурятского народов об их зависимости от отношения к ним божеств. Указывается на значительную древность описываемых событий: в олонхо всевышние населили изначальную среднюю мать-землю племенем айбы. В улигере герои живут в далеком прошлом — в «пору великого совершенства», в пору героических дел и тяжелых испытаний. Схожи истории появления Нюргун Боотура и Гэсэра в Среднем мире (они спущены небожителями из Верхнего мира) и их миссии (защита соплеменников от нападений представителей других миров — чудовищ).

В завязке основного сюжета якутского олонхо воспевается желание Нюргун Боотура состязаться с тридцатью девятью племенами Улуу тойона, Хара Суорун тойона. Узнав от небесного вестника о похищении сестры Айталы Куо богатырем абаасы Тимир Ыйыста Хара, Нюргун Боотур мчится за похитителем. С этого момента он — защитник племени айбы. Богатырь убивает богатыря абаасы и освобождает сестру: «Богатырь племени айбы вытащил смертоносный длинный меч и, широко размахнувшись, одним могучим ударом отрубил толстую шею трехглавого змия. Похищенная женщина пала вниз, Нюргун на лету поймал её» [НБС].

В завязке бурятского улигера рожденный уродцем будущий богатырь Гэсэр растет «не по дням, а по часам». Еще не окрепший Гэсэр, чтобы не выдать своего настоящего облика врагам, способен принимать невзрачный внешний вид. Будучи младенцем, Гэсэр обезвреживает четырех оборотней — дюжих парней.

Приключения юных богатырей, ниспосланных божествами на землю, начинаются с их сказочного возмужания и понимания ими своей миссии, этот мотив сближает эпосы с точки зрения идейного содержания.

Развитие событий в олонхо состоит из сюжетных линий, описывающих боевые приключения Нюргун Боотура. Каждая сюжетная линия имеет свою стройную композицию: завязку, развитие сюжета, кульминацию и развязку. Завязками трёх первых линий становится похищение богатырями абаасы девушек айыы: Айталы Куо, Туяаарыму Куо, Ючюгэй Юкэйдээн, — а в четвертом — пленение богатыря айыы Айыы Джурагастай. По сюжету Нюргун Боотур четыре раза вступает в страшную битву с богатырями абаасы Тимир Ыйыста Хара, Тимир Джэсиэнтэй, Уот Усу-таакы, Алып Хара. В описании уничтожения врагов каждое из этих сражений достигает своего *кульминационного пика*. В *развязках* богатыри возвращаются в страну освобожденных девушек и богатырей. В честь освободителя устраивают праздник с благословением. По окончании одной линии с боевым приключением Нюргун Боотура начинается новая линия, в которой его приключения продолжают. В *развязке основного сюжета* устанавливается мир. Богатыри устраивают свою личную жизнь, теперь их долг — приумножать «род человеческий». Небожитель Айыы Джурагастай возвращается со своей женой на небо. Айыы Умсуур, простившись с братьями, тоже навеки улетает на небо. Кузнец Кыдай Бахсы куёт дом для Нюргун Боотура и Кыыс Нюргуна. Они начинают жить в довольстве и становятся родоначальниками якутов. Все эпизоды неразделимо связаны с основным сюжетом описания героических приключений Нюргун Боотура Стремительного [НБС].

В улигере события развиваются тоже в сюжетных линиях, внутренне связанных между собой. В составе одной повествовательной линии действия выстраиваются в определенном порядке и играют роль самостоятельных структурных элементов. В них воспеваются героические сражения Гэсэра со своими злейшими врагами и победа над ними. Среди поверженных врагов богатыря — ворон и комар с костяным хоботом, тринадцатиголовый асурайский, семидесятисемиголовый, стовосьмиголовый, шестидесятисемиголовый мангадхай, рыжая долговязая баба, старуха-мангадхайка, митурайские мангадхайки, девяносто бешеных волков. Появляется *сюжетная линия, повествующая о рождении сына Гэсэра*. Появление на свет Ошор Богдо празднуется всеми «подвластными людьми». Младенца нарекают именем «Белобородый старец», в его честь устраивается специальная охота, названная «первой добычей Ошора Богдо». В другой линии идет повествование о сватовстве Гэсэра на Гагурай Ногон, до-

чери Галта Улан тэнгрия. Отец невесты устраивает испытание для Гэсэра, во время которого богатырь погибает. Его воскрешают с помощью живой воды три дочери птицы Ханхан Хэрдиг (Гаруды). Галта Улан-тэнгри устраивает свадебный пир. При отъезде на родину жениха по древнему обряду родственники одаривают невесту подарками. Приехав домой, Гэсэр строит огромный дворец для земной жены Санхан Гохон и сына Ошор Богдо.

Еще одна сюжетная линия воспевает победу Гэсэра и его старшего брата Дашин Шохора над великаном Галхан Нурман-ханом. Красочные описания стремительной погони с многократными превращениями ее участников в разных существ в основном сюжете — это *кульминация* драматического действия в улигере. В *развязке* Гэсэр возвращается в свой земной дом к жене Санхан Гохон и сыну, навещает своих земных родителей. Вместе с Гэсэром ликует весь эпический мир. Со словами: «Мне же пора отправляться [обратно на небо]» и с чувством исполненного долга богатырь возвращается на небо. Последние слова Гэсэра означают, что все миссии на земле выполнены им: все враги повержены, на земле установилась мирная счастливая жизнь («хорошее время пришло — колчан и стрелы убрали, спокойное время вернулось — лук и стрелы убрали»), и жизнь богатыря продолжается в сыне Ошор Богдо [АГМ].

Таким образом, в основных сюжетах олонхо и улигера воспеваются героические походы богатырей Нюргун Боотура Стремительного и Абай Гэсэра Могучего. Внутри этих основных сюжетов выстраиваются самостоятельные, связанные звенья, которые дополняют, обогащают содержание эпосов. Все сюжетные звенья объединены общими героями: действия в них не происходят без участия Нюргун Боотура Стремительного и Гэсэра Могучего, другие персонажи являются или сторонниками богатырей, или их врагами.

5. Мотивы якутского олонхо и бурятского улигера

Олонхо и улигер богаты каноническими для эпической традиции мотивами, которые передавались от одного поколения к другому. Сказители, импровизируя, могли вносить их в свой вариант или пропускать. Об этом писал Б. Н. Путилов: «Фольклорная сюжетика живет непрерывной творческой работой, совершающейся внутри традиции, в том числе традиции, связанной с фондом мотивов» [Путилов, 1994, с. 184].

В анализируемом материале обнаружено сохранение традиционных эпических мотивов. *Мотив помощи сестер-шаманок*. Обессилевшим богатырям приходят на помощь их сестры-шаманки: к Тимир Ыйыста Хара — Ытык Хахайдаан, к Нюргун Боотуру — Айыы Умсуур. В облике стерха Айыы Ум-

суур удаган снабжает брата волшебным кнутом, который при необходимости может превращаться в меч. *Мотив сватовства*. Богатыри, кроме выполнения миссии защиты соплеменников, должны «стать прародителями людей». Нюргун Боотур соединяет судьбу с предназначенной ему в жены девушкой — богатырем Кыыс Нюргун. Гэсэр сватается и женится два раза: на земной женщине Санхан Гохон и небесной — Гагурай Ногон. *Мотив друга-коня*. Кони Нюргун Боотуру и Гэсэру были предназначены сверху, они приходят на помощь хозяевам во всех тяжелых ситуациях. В олонхо и улигере одинаково с любовью запрягают своих коней богатыри: «Положил он, / Путник с каймою из шелка / На лошадь свою голубую, / Что с телом <длинной> в девяносто шагов; / А сверху накинуд тохой — серебряное седло. / “Хорошая конская сбруя / Подходит к коню!” — промолвил» [АГБ]; «С поводом, <связанным> / Из цепкой нити / Восточного неба, / С обротью, <связанной> / Из <летающих> вереницей / Вихревых облаков, / С застежными ремнями / Из восьмислойного / Божественного украшения» [НБС]. *Мотив испытания*. Нюргун проходит через испытание нареченной невесты Кыыс Нюргун. Она, испытывая его в борьбе, убеждается в недюжинной его силе и соглашается выйти за него замуж. Мотив испытания имеется и в «Гэсэре»: его устраивает Гэсэру отец небесной невесты Гагурай Ногон. *Сказочные мотивы*. Аналогичны чудесные превращения героев в разные существа в олонхо и улигере.

Вместе с тем в эпохах наблюдаются и пропуски некоторых традиционных мотивов. Например, в олонхо имеются мотивы, которые отсутствуют в бурятском эпосе. *Мотив очищения*. После битвы с богатырем абаасы Нюргун Боотур купается в озере Мертвая вода, приняв облик железной щуки. Во время купания едва не разбивается о подводные скалы и едва не растворяется в смертоносной воде. Выдержав все испытания, Нюргун Боотур очищается от нечисти, грязи и становится бессмертным. *Мотив неузнанных братьев*. Прибыв после долгой отлучки в родные края, Нюргун и Туйаарыма застают молодого человека, который хозяйничает в их усадьбе как у себя дома. Возмущенный Нюргун сваливает дерзкого парня на землю и начинает бить его. Поверженный богатырь говорит о том, что он брат Нюргун Боотура, Юрюнг Уолан и что по указанию всевышних он сторожит усадьбу брата. Братья мирятся.

В мотивном составе улигера есть мотив измены, который отсутствует в олонхо. Небесная жена Гэсэра по имени Гагурай Ногон помогает старухе-мангадхайке превратить Гэсэра в светло-рыжего коня. Возвращает ему прежний облик его земная жена Санхан Гохон. Один из дружинников богатыря Агсагалдай с помощью могучего мангадхая пытается занять место Гэсэра.

Имеющийся в обоих эпосах мотив расправы с врагами дается по-разному. Если Нюргун Боотур своего врага без пощады сразу отправляет на тот свет, то Гэсэр не лишает врага жизни при первом столкновении, только повторные нападения мангадхаев кончаются их гибелью. Так девяносто бешеных волков семидесятисемиголового даньяльского мангадхая Гэсэр отпускает на свободу, а тринадцатиголового асурайского мангадхая Гэсэр защемляет в стволе лиственницы. Однозубую и одноглазую мангадхайку разносит в клочья хангайской стрелой. Многоголовых чудовищ и старух-мангадхаек, митурайских мангадхаев богатырь спускает в глубокую яму и заваливает камнем, что означает окончательную победу Гэсэра над оживающими вновь и вновь чудовищами.

Пропуски некоторых мотивов, ставших каноническими в эпической традиции тюрко-монгольских народов, никоим образом не нарушают логики повествования, они обусловлены способностью каждого сказителя свободно варьировать текст.

6. Заключение

Сравнительное изучение сюжетного состава олонхо «Нюргун Боотур Стремительный» К. Оросина и улигера «Абай Гэсэр Могучий» М. Имегенова показало, что эпосы имеют схожие сюжеты, раскрывающие защиту богатырями-героями представителей своего племени от чудовищ чужого мира. Общий основной сюжет предположительно сохранился как древнее сюжетное ядро. При сохранении одного сюжетного ядра сказители способом внесения дополнительных звеньев, авторских элементов, перестановок, исключений создавали неповторимые свои варианты эпического текста. Данное заключение является подтверждением вывода И. В. Пухова: «Жизнь героя описывается как цепь подвигов, совершаемых им для установления счастливой жизни на земле. Отдельные звенья этой цепи и составляют различные эпизоды олонхо. Отдельные эпизоды и вставные рассказы получают законченный вид только в цепи всех событий олонхо, вследствие чего они не распадаются на самостоятельные бессвязные рассказы» [Пухов, 2013, с. 16].

В заключение можно высказать предположение о возможности первоначального бытования этих звеньев в виде небольших самостоятельных сказаний, вошедших впоследствии в состав крупных эпических произведений, обогащая, украшая их сюжетный состав. Так, народными певцами из многих разных сказаний создавались неисчерпаемые по содержанию, многослойные по жанровому составу грандиозные героические эпосы.

При сравнительном анализе якутского олонхо и бурятского улигера выявлена близость сюжетного состава и мотивов этих произведений эпи-

ческого творчества, что можно объяснить культурно-историческими контактами якутского и бурятского народов на разных этапах развития прототюрко-монгольских народов, населявших территорию Центральной Азии и Южной Сибири. Выводы исследования подтверждают результаты ранее проведенных изысканий по выявлению типологических и исторических связей эпического наследия тюрко-монгольских народов.

Источники и принятые сокращения

1. АГМ — *Абай* Гэсэр Могучий. Бурятский героический / вариант М. Именогова. — Москва : Восточная литература, РАН, 1995. — 526 с.
2. НБС — *Нюргун Боотур Стремительный*. Якутское олонхо / текст К. Г. Оросина; ред., пер., коммент. и вступ. ст. Г. У. Эргиса. — Якутск : Якут. кн. изд-во, 1947. — 410 с.
3. ЭО — *Энциклопедия Олонхо* — Северо-восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Научно-исследовательский институт Олонхо. — Якутск, 2017. (Рукопись).

ЛИТЕРАТУРА

1. *Владимирцов Б. Л.* Монгольско-ойратский героический эпос / Б. Л. Владимирцов. — Санкт-Петербург-Москва : Гос. изд-во, 1923. — 120 с.
2. *Гацак В. М.* Типология народного эпоса / В. М. Гацак. — Москва : Наука, 1975. — 326 с.
3. *Дамбаева А. Н.* Героический эпос народов Центральной Азии и Южной Сибири / А. Н. Дамбаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — Тамбов : Грамота, 2012. — Выпуск 5. — С. 73—74.
4. *Дамтилова Л. С.* Гэсэриада в современной поэзии / Л. С. Дамбаева // Гэсэриада — духовное наследие народов Центральной Азии (Материалы и тезисы международной научной конференции). — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1995. — С. 108—109.
5. *Жирмунский В. М.* Сказание об Алпамыше и богатырская сказка / В. М. Жирмунский. — Москва : Издательство восточной литературы, 1960. — 335 с.
6. *Жирмунский В. М.* Народный героический эпос, государственное издательство художественной литературы / В. М. Жирмунский. — Москва-Ленинград : Государственное Издательство художественной литературы, 1962. — 435 с.
7. *Кузьмина Е. Н.* Указатель типических мест героического эпоса народов Сибири : эксперим. изд. / Е. Н. Кузьмина. — Новосибирск : Изд-во СО РАН, 2005. — 1383 с. — ISBN 5-7692-0794-9.
8. *Мелетинский М. Е.* О древнейшем типе героя в эпосе тюрко-монгольских народов Сибири / М. Е. Мелетинский // Проблемы сравнительной филологии : сборник статей к 70-летию члена-корреспондента АН СССР В. М. Жирмунского. — Москва ; Ленинград : Наука, 1964. — С. 426—443.
9. *Мелетинский М. Е.* Происхождение героического эпоса : ранние формы и архаические памятники / М. Е. Мелетинский. — Москва : Восточная литература, 1963. — 464 с.
10. *Мелетинский Е. М.* Народный эпос / Е. М. Мелетинский // Теория литературы. Основные проблемы в историческом освещении. Роды и жанры литературы. — Москва : Изд-во Акад. наук СССР, 1962—1965. — Т. 3. — 463 с.

11. *Мелетинский Е. М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа / Е. М. Мелетинский. — Москва : Наука, 1986. — 320 с.
12. *Окладников А. П.* Якутский эпос (олонхо) и его связь с югом / А. П. Окладников. — Якутск : Сайдам, 2013. — 63 с.
13. *Окладников А. П.* История Якутской АССР / А. П. Окладников // Якутия до присоединения к Русскому государству. — Москва-Ленинград : Академия наук СССР, 1955. — Т. 1. — 432 с.
14. *Ойунский П. А.* Якутская сказка (олонхо), ее сюжет и содержание. Собрание сочинений в 7 т. / П. А. Ойунский. — Якутск : Кн. изд-во, 1962. — Т. 7. — С. 215—220.
15. *Пропп В. Я.* Морфология. Исторические корни волшебной сказки / В. Я. Пропп. — Москва : Лабиринт, 1998. — 511 с.
16. *Путилов Б. Н.* Методология сравнительно-исторического изучения фольклора / Б. Н. Путилов. — Ленинград : Наука, 1976. — 124 с.
17. *Путилов Б. Н.* Фольклор и народная культура / Б. Н. Путилов. — Санкт-Петербург : Наука, 1994. — 235 с.
18. *Путилов Б. Н.* Эпическое сказительство : Типология и этническая специфика / Б. Н. Путилов. — Москва : Восточная литература, 1997. — 295 с.
19. *Путилов Б. Н.* Эпос народов Сибири и его историческая типология / Б. Н. Путилов // Вопросы языка и фольклора народностей Севера. — Якутск : Российская Академия наук, 1972. — 274 с.
20. *Пухов И. В.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири / И. В. Пухов // Типология народного эпоса. — Москва : Наука, 1975. — С. 56—63.
21. *Пухов И.* Героический эпос тюрко-монгольских народов Сибири. Общность, сходства, различия / И. Пухов // Эпос олонхо и эпическая поэзия саха (якутов) / АН РС(Я). Институт гуманитарных исследований. — Якутск, 2003. — С. 84—141.
22. *Пухов И. В.* Героический эпос алтае-саянских народов и якутские олонхо / И. В. Пухов. — Якутск : Издательство СО РАН. Якут. фил., 2004. — 328 с. — ISBN 5-8176-0052-8.
23. *Пухов И. В.* Якутский героический эпос — олонхо. Публикация, перевод, теория, типология : Избранные статьи / И. В. Пухов. — Якутск : Издательство СО РАН, Якут, фил., 2004. — 207 с. — ISBN 5-8176-0053-6.
24. *Пухов И. В.* Олонхо — древний эпос якутов / И. В. Пухов. — Якутск : Сайдам, 2013. — 48 с.
25. *Санжеева Л. Ц.* Историко-этнические связи бурятской Гэсэриады / Л. Ц. Санжеева // Вестник бурятского гоуниверситета. — 2011. — № 8. — С. 98—102.
26. *Суразаков С. С.* Алтайский героический эпос Текст / С. С. Суразаков. — Москва : Наука, 1985. — 255 с.
27. *Уланов А. И.* К характеристике героического эпоса бурят / А. И. Уланов. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1957. — 171 с.
28. *Уланов А. И.* Древний фольклор бурят / А. И. Уланов. — Улан-Удэ : Бурят. кн. изд-во, 1974. — 176 с.
29. *Уланов Э. А.* Эпос «Гэсэр» как древнейшая эпическая картина мира / Э. А. Уланов // Вестник Бурятского университета. Серия 6 : Филология. — Улан-Удэ : Изд-во БГУ, 1999. — С. 10—16.
30. *Хундаева Е. О.* Бурятский эпос о Гэсэре : символы и традиции / Е. О. Хундаева. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 1999. — 95 с.

31. Цыбенова Б. Б. «Гэсэр» и «Джангар» как вершины эпического ; творчества монгольских народов / Б. Б. Цыбенова // Немцы и Сибирь : История. Современность : Материалы международной научной конференции. — Улан-Удэ : Изд-во Бурят. гос. ун-га, 1999. — С. 31—35.

32. Эргис Г. У. Очерки якутского фольклора / Г. У. Эргис. — Москва : Наука, 1974. — 402 с.

SIMILARITIES AND DIFFERENCES BETWEEN THE YAKUT OLONKHO AND THE BURYAT ULIGER: PLOT COMPOSITION AND MOTIVES

© Antonina F. Koryakina (2021), orcid.org/0000-0002-6965-0699, PhD in Pedagogics, Senior Researcher, Olonkho studies sector of the Olonkho Research Institute, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University (Yakutsk, Russia), aitalilen@mail.ru.

The article is devoted to the identification of typological similarities and differences in epic plots and motives in the texts of the Yakut olonkho and the Buryat uliger. The relevance of the stated problem is due to the purpose of obtaining additional materials to confirm the results of earlier studies on establishing the genetic origins and typological connections of the epic creativity of the Yakut and Buryat peoples. A brief review of the study of the problem in the works of domestic folklorists, who developed the theory of the comparative study of the peoples of the world epics; Yakut epic scholars, who considered in their works the historical and typological connections of the Yakut olonkho with the epics of the Sayan-Altai, Mongol-Buryat peoples; Buryat scientists who turn in their research to the processes of historical and cultural mutual influences of the epic heritage of the Yakuts and Mongol-Buryats. Scientific methods of typological, structural-comparative and textological analysis are used. The similarity of the plots and plot motives of the olonkho "Nyurgun Bootur the Swift" by K. Orosin and the uliger "Abai Geser Mighty" by M. Imegenov, which is due to the principles of typological repetition in folklore and cultural and historical contacts of the Yakut and Buryat peoples at different stages of development of the Proto-Turkic peoples inhabiting the territory of Central Asia and South Siberia.

Key words: Yakut olonkho; Buryat uliger; plot; motives; typological similarities; features.

MATERIAL RESOURCES

AGM — *Abai Geser Moguchiy. Buryatskiy geroicheskiy* [Abai Geser the Mighty. The Buryat heroic]. (1995). Moskva: Vostochnaya literatura. RAN. 526 p. (In Russ.).

EO — *Entsiklopediya Olonkho — Severo-vostochnyy federalnyy universitet im. M. K. Ammosova. Nauchno-issledovatel'skiy institut Olonkho* [North-Eastern Federal University named after M. K. Ammosov. Olonkho Research Institute]. (2017). Yakutsk. (Rukopis'). (In Russ.).

NBS — *Nyurgun Bootur Stremitelnyy. Yakutskoye olonkho* [Nyurgun Bootur the Swift. Yakut. olonkho]. (1947). Yakutsk: Yakut. kn. izd-vo. 410 p. (In Russ.).

REFERENCES

Dambayeva, A. N. (2012). Geroicheskiy epos narodov Tsentralnoy Azii i Yuzhnoy Sibiri [Heroic epic of the peoples of Central Asia and Southern Siberia]. *Filologicheskiye nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Questions of theory and practice], 5. Tambov: Gramota. 73—74. (In Russ.).

- Dampilova, L. S. (1995). Geseriada v sovremennoy poezii [Geseriada v sovremennoy poezii]. In: *Geseriada — dukhovnoye naslediyе narodov Tsentralnoy Azii (Materialy i tezisy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii)* [Geseriada—the spiritual heritage of the peoples of Central Asia (Materials and theses of the international scientific conference)]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 108—109. (In Russ.).
- Ergis, G. U. (1974). *Ocherki yakutskogo folklora* [Essays of Yakut folklore]. Moskva: Nauka. 402 p. (In Russ.).
- Gatsak, V. M. (1975). *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of the folk epic]. Moskva: Nauka. 326 p. (In Russ.).
- Khundayeva, E. O. (1999). *Buryatskiy epos o Gesere: simvolы i traditsii* [Buryat epic about Gesar: symbols and traditions]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 95 p. (In Russ.).
- Kuzmina, E. N. (2005). *Ukazatel' tipicheskikh mest geroicheskogo eposa narodov Sibiri: Eksperim. izd.* [Index of typical places of the heroic epic of the peoples of Siberia: Experim. ed.]. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN. 1383 p. ISBN 5-7692-0794-9. (In Russ.).
- Meletinskiy, E. M. (1962—1965). Narodnyy epos [Narodnyy epos]. *Teoriya literatury*. In: *Osnovnyye problemy v istoricheskom osveshchenii. Rody i zhanry literatury* [Theory of literature. The main problems in historical coverage. Genera and genres of literature], 3. Moskva: Izd-vo Akad. nauk SSSR. 463 p. (In Russ.).
- Meletinskiy, M. E. (1963). *Proiskhozhdeniye geroicheskogo eposa: ranniye formy i arkhaiskiye pamyatniki* [The origin of the heroic epic: early forms and archaic monuments]. Moskva: Vostochnaya literature. 464 p. (In Russ.).
- Meletinskiy, E. M. (1986). *Vvedeniye v istoricheskuyu poetiku eposa i romana* [Introduction to the historical poetics of the epic and the novel]. Moskva: Nauka. 320 p. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (1955). *Istoriya Yakutskoy ASSR* [History of the Yakut ASSR]. *Yakutiya do prisoyedineniya k Russkomu gosudarstvu* [Yakutia before joining the Russian state], 1. Moskva-Leningrad: Akademiya nauk SSSR. 432 p. (In Russ.).
- Okladnikov, A. P. (2013). *Yakutskiy epos (olonkho) i yego svyaz' s yugom* [Yakut epic (olonkho) and its connection with the South]. Yakutsk: Saydam. 63 p. (In Russ.).
- Oyunskiy, P. A. (1962). *Yakutskaya skazka (olonkho), yeye syuzhet i sodержaniye. Sobraniye sochineniy* [Yakut fairy tale (olonkho), its plot and content. A collection of essays], 7 (7). Yakutsk: Kn. izd-vo. 215—220. (In Russ.).
- Propp, V. Ya. (1998). *Morfologiya. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [Morphology. Historical roots of a fairy tale]. Moskva: Labirint. 511 p. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (1975). Geroicheskiy epos tyurko-mongolskikh narodov Sibiri [Heroic epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia]. In: *Tipologiya narodnogo eposa* [Typology of the national epic]. Moskva: Nauka. 56—63. (In Russ.).
- Pukhov, I. (2003). Geroicheskiy epos tyurko-mongolskikh narodov Sibiri. Obshchnost', skhodstva, razlichiya [Heroic epic of the Turkic-Mongolian peoples of Siberia. Generality, similarities, differences]. In: *Epos olonkho i epicheskaya poeziya sakha (yakutov). AN RS(Ya). Institut gumanitarnykh issledovaniy* [Epos olonkho and epic poetry of Sakha (Yakut). AN RS(Ya). Institute for Humanitarian Studies]. Yakutsk. 84—141. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (2004). *Geroicheskiy epos altaye-sayanskikh narodov i yakutskiyе olonkho* [Heroic epic of the Altai-Sayan peoples and Yakut olonkho]. Yakutsk: Izdatelstvo SO RAN. Yakut. fil. 328 p. ISBN 5-8176-0052-8. (In Russ.).

- Pukhov, I. V. (2004). *Yakutskiy geroicheskiy epos — olonkho. Publikatsiya, perevod, teoriya, tipologiya: Izbrannyye statyi* [Yakut heroic epic-olonkho. Publication, translation, theory, typology: Selected articles]. Yakutsk: Izdatelstvo SO RAN, Yakut. fil. 207 p. ISBN 5-8176-0053-6. (In Russ.).
- Pukhov, I. V. (2013). *Olonkho — drevniy epos yakutov* [Olonkho—the ancient epic of the Yakuts]. Yakutsk: Saydam. 48 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1976). *Metodologiya sravnitelno-istoricheskogo izucheniya folklore* [Methodology of comparative historical study of folklore]. Leningrad: Nauka. 124 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1972). Epos narodov Sibiri i yego istoricheskaya tipologiya [Epos of the peoples of Siberia and its historical typology]. In: *Voprosy yazyka i folklor narodnostey Severa* [Questions of the language and folklore of the peoples of the North]. Yakutsk: Rossiyskaya Akademiya nauk. 274 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1994). *Folklor i narodnaya kultura* [Folklore and folk culture]. Sankt-Peterburg: Nauka. 235 p. (In Russ.).
- Putilov, B. N. (1997). *Epicheskoye skazitelstvo: Tipologiya i etnicheskaya spetsifika* [Epic storytelling: Typology and ethnic specificity]. Moskva: Vostochnaya literatura. 295 p. (In Russ.).
- Sanzheyeva, L. Ts. (2011). Istoriko-etnicheskiye svyazi buryatskoy Geseriady [Historical and ethnic relations of the Buryat Geseriada]. *Vestnik buryatskogo gouniversiteta* [Bulletin of the Buryat State University], 8: 98—102. (In Russ.).
- Surazakov, S. S. (1985). *Altayskiy geroicheskiy epos Tekst* [Altai heroic epic Text]. Moskva: Nauka. 255 p. (In Russ.).
- Tsybenova, B. B. (1999). «Geser» i «Dzhangar» kak vershiny epicheskogo; tvorchestva mongolskikh narodov [“Geser” and “Dzhangar” as the peaks of the epic; creativity of the Mongolian people’s]. In: *Nemtsy i Sibir’: Istoriya. Sovremennost’. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Germans and Siberia: History. Modernity. Materials of the international scientific Conference]. Ulan-Ude: Izd-vo Buryat. gos. un-ta. 31—35. (In Russ.).
- Ulanov, A. I. (1957). *K kharakteristike geroicheskogo eposa buryat* [To the characteristic of the heroic epic of the Buryats]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo. 171 p. (In Russ.).
- Ulanov, A. I. (1974). *Drevniy folklor buryat* [Ancient folklore of the Buryats]. Ulan-Ude: Buryat. kn. izd-vo. 176 p. (In Russ.).
- Ulanov, E. A. (1999). Epos «Geser» kak drevneyshaya epicheskaya kartina mira [Epos “Geser” as the oldest epic picture of the world]. *Vestnik Buryatskogo universiteta. Seriya 6: Filologiya* [Bulletin of the Buryat University. Series 6: Philology]. Ulan-Ude: Izd-vo BGU. 10—16. (In Russ.).
- Vladimirtsov, B. L. (1923). *Mongolsko-oyratskiy geroicheskiy epos* [Mongolian-Oirat heroic epic]. Sankt-Peterburg-Moskva: Gos. izd-vo. 120 p. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1960). *Skazaniye ob Alpamysh e bogatyrskaya skazka* [The legend of Alpamysh and the Heroic tale]. Moskva: Izdatelstvo vostochnoy literatury. 335 p. (In Russ.).
- Zhirmunskiy, V. M. (1962). *Narodnyy geroicheskiy epos, gosudarstvennoye izdatelstvo khudozhestvennoy literatury* [Narodny heroic epos, state Publishing House of Fiction]. Moskva-Leningrad: Gosudarstvennoye Izdatelstvo khudozhestvennoy literatury. 435 p. (In Russ.).